

К ИСТОРИИ КАТЕГОРИЙ ELOCUTIO В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ РИТОРИКЕ

Наталья Марковна Щаренская

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: n-scharenskaja@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится сопоставление европейских средневековых поэтик с русским трактатом «О образехъ» (XI в.) в плане предпочтения тех или иных категорий элокуции, что объясняется различной прагматикой написания трактатов. Выявляются разные традиции в подходе к тропам сходства и смежности во французской и русской риториках XVII–XVIII вв., обнаруживающие соответствие с указанными ранними сочинениями.

Ключевые слова: элокуция, метафора, метонимия, троп, фигура, русская риторика, французская риторика.

История риторики как сферы филологического знания, как известно, ведет в недра античной культуры, в которой первым этапом является греческая риторика, а вторым – римская. Их наследуют риторики европейские, каждая из которых, черпая из живых источников национальных языков, начинает свою собственную историю. Период освоения наследства классической риторики до создания риторических руководств, приспособленных для нужд национальной жизни, может, вероятно, выглядеть как своего рода предыстория, которая так или иначе сказывается на национальных риторических традициях. В сочинения, написанные в этот период (а это средневековье), часто попадают категории риторики, которые имеют отношение к третьему разделу классической риторической науки – *elocutio*. Огромное наследие классической риторики не только сохранялось авторами этих текстов, но и в известной степени перерабатывалось, приспособляясь к тем целям, которым служили создаваемые ими трактаты. Прагматические установки вкупе с воспринимаемыми из доступных античных источников традициями описания языковых явлений создавали основу для своеобразной подачи одного и того же материала в разных сочинениях. Так, грамматико-риторические трактаты англосакса Беда Достопочтенного «*De arte metrica*» и «*De schematibus et tropis S. Scripturae*» были предназначены для религиозного вос-

питания в монашеских школах, в которых владение языком мыслилось важнейшим условием моральной и духовной целостности монашеского сообщества. С этой целью автор описывал все встречающиеся в Священном Писании языковые явления, пытаясь сделать текст понятным и доступным [Петрова, с. 37–39, 56]. Естественно, совершенно иначе представлено описание тропов и фигур в средневековых латинских поэтиках Матвея Вандомского (*Ars versificatoria*), Гальфреда Винсальвского (*Poetria nova*), Гервасия Мельклейского (*Ars versificatoria*), Иоанна Гарландского (*Parisiana poetria*), Эберхарда Немецкого [Гаспаров]. Здесь все было подчинено задаче дать практическое руководство для творческой деятельности в рамках школьного сочинительства.

Период предыстории русской риторики отличается от европейской уже тем, что первый же текст, в котором представлены категории *elocutio*, в русской словесности дается на русском языке, представляя собой перевод с греческого. Источником проникновения на русскую почву античной риторики могли быть только греческие (византийские) сочинения. В IV–V вв. в Византии был написан трактат Г. Хировоска «О поэтических тропах», который послужил первым текстом, познакомившим русских книжников с риторическими фигурами. В «Изборнике Святослава» 1073 г. появился трактат под названием «Георгия Хоуровска о образех».

Обращает на себя внимание поразительное отличие представления риторических фигур в древнерусском тексте от описания их в различных европейских сочинениях. Своеобразие подачи материала в трактате «О образех» и в тексте Хировоска заключается уже в его систематизации и отборе языковых явлений. Во-первых, в тексте в основном представлены тропы, но не собственно фигуры, в чем мы вслед за Г.Г. Хазагеровым, подтверждая его мнение, видели проявление греко-византийской традиции, связанной со специальным интересом к тропам [Хазагеров; Щаренская]. Во-вторых, систематизация тропов предельно отличается от представления их в европейских трактатах. Так, если у Беды Достопочтенного метафора (с которой начинается раздел о тропах) и аллегория отделяет 14 явлений и при этом ирония рассматривается как разновидность аллегии, то в русском трактате метафора рассматривается в непосредственной близости к аллегии, которая открывает трактат, а ирония с ее разновидностями расположена в конце. Вообще в русском тексте тропов сходства больше, нежели других явлений, они образуют фрагменты, в то время как тропы смежности рассматриваются в отдалении друг от друга, метонимия («отыменение») «спрятана» в середине трактата.

Авторы средневековых европейских поэтик или же вообще мало заботятся о какой-либо систематизации материала (так, Матвей

Вандомский сосредоточен на примерах, но не на схемах), или же подают его вовсе не так, как русский переводчик Хировоска. Описание фигур в поэтиках связано с двумя моментами, которые исходят из прагматической установки поэтик – служить руководством для порождения текстов. Это, во-первых, амплификация, т.е. необходимость распространения найденной темы, что соответствует задачам риторической инвенции, во-вторых, выражение найденного содержания, облачение в подобающую словесную форму, чему учила элокуция. Поэтому фигуры могли рассматриваться на основании такой их функции в двух отделах. Более или менее стройная классификация представлена у Гервасия Мальклейского. Он различал: 1) фигуры тождества – это фигуры, в которых слова не меняют своего значения: сюда, например, входят фигуры слова (анафора, эпифора и др.), а также фигуры «с разнообразием» (метонимия, синекдоха, гипербола, инверсия); 2) фигуры сходства – это сравнение, метафора, катахреза; 3) фигуры противоположности – это антитеза с ее разновидностями; 4) сентенция, пример [Гаспаров, с. 629–630].

Очевидно, что в основу классификации положен семантический признак – изменения при фигурированном словоупотреблении значений слов. Три первых класса фигур представляют собой градуальную оппозицию по степени семантических отклонений. На первом месте оказываются асемантиче-

ские фигуры, при этом тропы смежности – метонимия и синекдоха – относятся именно к ним, представляя собой такой семантический сдвиг, который не воспринимается как изменение значения. От них отграничиваются тропы группы метафоры и антитезы.

Фигуры, подходящие для нужд амплификации, делились на три группы, выстраивающиеся от простого умножения слов (синонимия, перифразис) через приемы, усиливающие эмоциональную напряженность (например, аверсия или просопопея), к введению нового образного материала. Последняя группа была представлена описанием (материал извлекается из самой темы, за счет детализации), сравнением (материал берется со стороны), отступлением, колеблющимся между тем и другим. Примечательно, что сравнение, как «сторонний» материал, «казался отвлекающим и не рекомендовался к употреблению» [Гаспаров, с. 623]. Матвей Вандомский рекомендовал если не совсем избегать сравнений, то во всяком случае пользоваться ими реже. Он указывал, что у древних поэтов скудость описываемого предмета компенсировалась благодаря поэтическим выдумкам, разбухая «в искусственном наращении» [там же]. Именно такого разбухания авторы поэтик и старались избежать. Иоанн Гарландсий менее нетерпимо относится к сравнению, причисляя к тому, что не свойственно предмету и чего, следовательно, необходимо избегать – притчу (apologus). Мат-

вей Вандомский описанию посвятил треть трактата. Причину такого предпочтения авторов поэтик описания перед сравнением М.Л. Гаспаров объясняет влиянием жанров новой литературы, а именно стихотворным рыцарским романом, в котором большое место занимали описания лиц, одежд, убранств и мест [Гаспаров, с. 624].

В поэтиках, таким образом, наиболее подходящими для составления текста средствами представлялись явления, дающие отношения тождества, к которым примыкали тропы смежности, и различные средства детализации. Детализация сама по себе вообще может быть рассмотрена как основанная на отношениях смежности.

В русском трактате «О образех» в качестве особо ценных рассматривались языковые явления, способствующие не простому умножению (повторы и проч.) и не метонимической детализации, сохраняющей связь с описываемым явлением, а, напротив, усложнению семантики, направляющие к материалу «со стороны». Такими явлениями были признаны тропы, основанные на подобии, причем среди них важное место принадлежало развернутым тропам – притче и аллегории. Связано это было с тем, что трактат «О образех» еще более, чем его греческий источник (русский переводчик вносил в текст некоторые изменения), был написан в целом как руководство для восприятия Священного Писания и церковной проповеди. Он соот-

ветствовал идеям герменевтики и показывал, что в речи могут и должны быть такие явления, которые увлекают мысль на поиски глубинного смысла, связанного с духовными сущностями горнего мира. Именно поэтому в трактате на первое место выводилась аллегория и метафора, а также важное место занимала притча. Случайно потерять метафору, как это сделал Эберхард Немецкий [Гаспаров, с. 630], для автора русского текста было невозможно.

Русский переводчик не сохранил дефиницию метонимии Хировоска, который указал на связь по смежности (содержащее – содержимое): «Будете наказаны все, судящие землю, вместо в земле [живущих]». В «О образех» определение и пример имеют такой смысл: «Отымение есть, когда от имени властвующих назовем тех, над кем властвуют, как сказано в Писании: “Будете наказаны все, судящие земли”, то есть сказано живущим (сущим) на земле» [Щаренская, с. 38, 41]. Пример, как видно, истолкован так, что выражает морализаторский смысл. При этом описание тропа превратилось в паронимическую фигуру (судящим – сущим), которая создала условие для работы мысли, понимания смысла текста.

В русский текст, специальным образом посвященный тропам, попали некоторые фигуры слова – прибавления и убавления. Однако все они проверялись на способность породить глубинный смысл, т. е. быть тро-

пами, которые были названы «образами». В процессе становления греческой риторики сначала появился термин *фигура* (σχήμα), обозначивший все отклонения от некоего нейтрального образца речи [Гаспаров, с. 629]. В эллинистический период добавился термин *τροπ*, выделивший в общем числе фигур еще одну, более узкую группу «отклонений». Знакомство русских книжников с риторическими категориями, как и в начале античной риторики, должно было породить некие представления о нейтральной речи. Отклонения от нее были впервые преимущественно представлены в виде тропов, поэтому и ее невысказанный эталон должен был мыслиться в связи с отсутствием не прямых, имплицитно выраженных смыслов. Способность имплицитного выражения смысла не обнаружили некоторые фигуры прибавления – плеоназм («Изобилие есть слово избыточное, ничего при этом не означающее, например противник и супротивник»), который вообще ничего не дает в плане содержания, и эпаналепсис («поречение»), который наращивает его «линейно» («знаю, знаю это дело», «зол грех, зол») [Щаренская, с. 42], полностью приравнивая план содержания к плану выражения. Сохранившись в древнерусском трактате, эти фигуры послужили неким антиобразцом, демонстрировавшим, каким не может быть «образ». Им была противопоставлена экзоха («издрядие»), в которой семантический повтор вносил глубокий

смысл («Скажи ученикам моим и Петру») [там же].

Трактат «О образех», как мы заметили, не соответствовал ни риторике, ни поэтике. Он послужил «предысторией» русской риторики, которая появилась на Руси в начале XVII века (Риторика 1620 г.) в рамках уже не византийского, а римского влияния в результате контактов с Европой. В плане представления категорий элокуции в риторических руководствах, которые в изобилии стали появляться в России в XVIII–XIX вв., нужно отметить включение в трактаты многочисленных фигур, а также «метонимизацию» в пределах тропов. Проявилось это в том, что метонимия стала занимать второе место после метафоры, выдвинувшись на роль одного из основных тропов, начала рассматриваться по соседству с синекдохой, а также в наращивании видов смежности, которые подробным образом стали описываться в риториках.

Усиление роли метонимии ярко осуществилось во французской риторике, что произошло на фоне отступления метафоры. Французская риторика проходила свое становление в XVI веке, когда в 1521 г. нормандский юре Пьер Фабри написал первую риторику на французском языке, а затем появилась «Французская риторика» Антуана Фоклена, друга Пелетье, написавшего один из манифестов «Плеяды». Достоинствами речи были провозглашены простота, благородство, гармония, и основное внимание фран-

цузской риторики сосредоточилось на категориях элокуции. По свидетельству Н. Безменовой, метафора в этот период пока занимала первое место [Безменова, с. 88–89], она сохраняла свою значимость и в период развития светской риторики, центром которой стал Лувр и салоны парижских дам – маркизы Рамбуйе, м-м де Сабле и м-м де Лафайет, а одним из самых интересных риторических памятников – «Цветник французской Риторики, украшенный самыми прекрасными цветами красноречия» [Безменова, с. 90–91, 149–150]. Само название этого риторического руководства метафорично и ориентирует на изящество стиля.

Однако теория фигур во Франции в эту эпоху отразила также борьбу с преувеличениями утонченного стиля придворной риторики. В этом плане метафора стала главной точкой приложения борьбы против украшательства.

В XVII–XVIII вв. на теорию фигур оказала влияние картезианская философия. Была сформирована рациональная риторика. Трактат по риторике, который в наибольшей степени отразил идеи картезианской философии, – это трактат Бернара Лами «Риторика, или Искусство беседы», написанный в 1688 году [Пастернак]. Для Лами в описании категорий *elocutio* приоритетным является не построение классификации, а объяснение сути и предназначения тропов и фигур. Главное предназначение фигур следует из по-

нимания задач риторики, которые видятся не в убеждении, а в том, чтобы осмысленно воспроизвести картину, созданную в воображении, в том, чтобы «сообщать наши мысли и выразить нашу волю, ибо желаем, чтобы наш собеседник имел те же чувства в отношении предмета наших мыслей и речи» [Пастернак, с. 65]. Убеждение – это, собственно, результат передачи идеи. Сама передаваемая картина должна быть разумна, идеи должны быть верными. Деление идей на ясные и смутные – чисто картезианское. «Разум светит нам, и идти нужно при свете», – пишет Б. Лами [Пастернак, с. 66]. Разум, точность разума – вот что является источником красноречия. И все языковые средства направлены на то, чтобы адекватно выразить разумные идеи, помогать прояснять смутные идеи. Смутность, запутанность речи является главным препятствием на пути к истине. Тропам принадлежит при этом ведущее место, так как им присуще выразить деятельность человеческого разума, являясь источником точности речи.

Фигуры выражают страсти, помогая восприятию истин, которые передают тропы.

Основные требования, предъявляемые к тропам, связаны с их назначением – выразить ясную, разумную идею: 1) тропы должны быть ясными, 2) тропы должны быть пропорциональны разумной мысли, которую призваны выразить.

Тропы перечисляются Лами в следующем

порядке: метонимия, синекдоха, антономасия, метафора, аллегория, литота, гипербола, ирония, катахреза. Первое место, таким образом, занимает фрагмент из трех тропов смежности, метафора и аллегория, основанные на сходстве, отодвинуты на второе место, литота, гипербола, ирония, катахреза, по-видимому, фрагментируются как языковые явления, связанные с ложными высказываниями.

Метонимия и синекдоха – особенно ценные тропы, так как «подобная подмена одного слова другим никогда не создаст путаницы и непонимания» [Пастернак, с. 123]. Антономасия, как ясный троп, примыкает к тропам смежности.

Примеров метафоры у Лами три: «полководец королевства» вместо «король», стих из Второзакония, в котором небо во время засухи называется медью, а также эпитет «веселый» применительно к существительному «дом», так как «он (дом) нам приятен и вызывает те же ощущения, что и смеющийся человек» [Пастернак, с. 123]. Последний пример можно истолковать как гипаллагу – метонимический эпитет. Первый пример является метафорой функциональной, общая функция, свойственная двум сопоставляемым компонентам, делает троп очень понятным. В функциональной метафоре, по-видимому, можно усмотреть логическую смежность – связь предметов по функции.

Указывая правила употребления тропов,

несоблюдение которых приводит к неясности, Лами в нарушениях этих правил практически постоянно упрекает именно метафору и указывает, что метафора должна черпаться из представлений о повседневной, хорошо понятной жизни.

Одной из самых знаменитых французских риторик стало сочинение Дюмарсе – «Трактат о тропах, служащий введением в Риторику и Логику» (первое издание состоялось в 1730 г.). Путь образования переносного, тропеического, значения Дюмарсе видит так: «Связь, наличествующая между попутными мыслями (*idées accessoires*) <...> есть источник и принцип производства различных вариантов переносного смысла» [Безменова, с. 165–166]. Дюмарсе так поясняет свою мысль: «Любой объект, который произвел на нас впечатление, всегда сопровождается различными характерными обстоятельствами, с помощью которых мы впоследствии часто обозначаем или сами эти объекты <...> или другие, воспоминания о которых они рождают. Имя попутной идеи, сопровождающей обстоятельства, часто больше говорит воображению, чем имя главной идеи <...> отсюда знак вместо означаемой вещи, причина вместо следствия, часть вместо целого <...> и все прочие тропы» [Безменова, с. 165–167]. Таким образом, для Дюмарсе наиболее естественно метонимическое значение, оно как бы порождается ориентацией человека в мире, его виденьем мира: глядя на предмет, человек в первую очередь замечает все,

что к нему *непосредственно* относится, отсюда родственность метонимии мышлению. Давая определение понятию троп – «Слово троп происходит от греческого слова, означающего «поворачиваю, верчу»: смысл слова как бы поворачивается», – Дюмарсе приводит в пример именно метонимию: «Что означают, например, слова Людовика XIV “*Больше нет Пиренеев*”, когда его внук герцог Анжуйский, позже Филипп V, становится испанским королем? Какой именно это вид тропа? Троп этот носит название “метонимия знака”, или металепис: Пиренеи после восшествия на престол француза больше не являются знаком или символом разделения Франции и Испании» [там же]. Как видно, само понятие тропа Дюмарсе иллюстрирует с помощью метонимии. Метонимия – это фундаментальный троп, наиболее естественно отражающий виденье человеком предметов мира и выполняющий основную функцию тропов – выразить главную мысль, познать предмет мысли. Дюмарсе подробно описывает восемь видов отношений смежности.

Метафора и ирония, по Дюмарсе, связаны с другими функциями тропов – украшать и облагораживать речь, избегать грубости и печальных мыслей.

Итак, история категорий элокуции во французской риторике обнаруживает некоторую родственность первым латинским поэтикам, расположение материала в которых ориентировано на детализацию. Затем метонимия объ-

является родственной мышлению, которое базируется на «попутной идее», позволяя ориентироваться в мире и его описывать.

В русской риторике при всей ее «метонимизации» этот процесс оказался достаточно ограничен. В русских сочинениях в результате влияния латинской традиции тропы сходства становятся менее многочисленными, тропы смежности описываются с таким же вниманием. Однако при этом метафора – даже в рациональной риторике М.В. Ломоносова – прочно сохраняет главенствующее место в классификациях. Максимальные ограничения для тропов сходства в русской риторике связаны с требованиями выдерживать от начала до конца тему аллегории, а метафору употреблять, чтобы «не была не чрез меру часто» [Ломоносов]. Утверждение риторики на русской почве, естественно, приводит к включению в элокуцию многочисленных фигур, однако по традиции им отводится второе место после тропов.

В осмыслении тропов и фигур в русской риторике в определенной степени сказывается греко-византийская традиция, которая в первую очередь проявляется в стремлении придать стилистическим явлениям смысловую наполненность. Метафора рассматривается скорее как возможность направить мысль, но не с точки зрения ее результата. В качестве средств, придающих речи ясность, неизменно почетное место принадлежит именно этому тропу.

Интересно при этом заметить, что именно в русской риторике ставится под сомнение едва ли не абсолютная власть метафоры [Хаззагеров 2016], представления о которой были вызваны рассмотрением ее в рамках когнитивной теории [Lakoff, Johnson]. Изначально «дружеские» отношения с этим тропом, рассмотрение его в качестве одного из «образов», созданного словами, непосредственно в речи, сохраняет доверие к метафоре как к хорошему «инструменту» мышления, не преувеличивая ее опасности и не преуменьшая заслуг.

Литература

Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. М.: Наука, 1991.

Гаспаров М.Л. Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. I. О поэтах. М.: «Языки русской культуры», 1997.

Ломоносов М.В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // М.В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Т. 7. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952.

Пастернак Е.Л. «Риторика» Лами в истории французской риторики. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Петрова М.С. Риторико-грамматические работы Беда Досточтимого в контексте лингвистического знания поздней античности и раннего средневековья // Интеллектуальные

традиции в прошлом и настоящем. Вып. 1. М.: Аквилон, 2014. С. 36-56.

Хазазеров Г.Г. «О образехъ»: Иоанн, Хиробоск, Трифон (к диахронии тропов и фигур в греко-славянской традиции) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 53. № 1.

Хазазеров Г.Г. On Monstrosity of Metaphor in Cognitive Paradigm // Известия Южного федерального университета. 2016. №2. С. 97–101.

Щаренская Н.М. Греко-византийская традиция в русской риторике: трактат «О образехъ». М.: Флинта: Наука, 2004.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, University of Chicago Press, 1988.

References

Bezmenova, N.A. Ocherki po teorii i istorii ritoriki. [Essays on theory and history of rhetoric] М.: Nauka, 1991.

Gasparov, M.L. Srednevekovyye latinskiye poetiki v sisteme srednevekovoy grammatiki i ritoriki [Medieval Latin poetics in the system of Medieval grammar and rhetoric]. // Gasparov M.L. Izbrannyye trudy. Tom I. O poetakh [Selected works. Vol.1. On poets]. М.: «Yazyki russkoy kul'tury», 1997.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, University of Chicago Press, 1988.

Khazagerov, G.G. «O obrazekhъ»: Ioann, KHi-

robosk, Trifon (k diakhronii tropov i figur v greko-slavyanskoy traditsii) [«On Imagies»: Ioanne, Hirovosk, and Tryphon (a diachronic view on tropes and figures of speech in the Greek and Slavic tradition)]. // Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz. 1994. T. 53. № 1.

Khazagerov, G.G. Monstrosity of Metaphor in Cognitive Paradigm. Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. 2016. №2. S. 97–101.

Shcharenskaya, N.M. Greko-vizantiyskaya traditsiya v russkoy ritorike: traktat «O obrazekhъ» [The Greek and Slavic Tradition in Russian Rhetoric: tractate «On Imagies»]. М., 2004.

Lomonosov, M.V. Kratkoye rukovodstvo k ritorike na pol'zu lyubiteley sladkorechiya [Short guide on rhetoric for a benefit of fine art's judges]. // M.V. Lomonosov. Polnoye sobraniye sochine-niy [Complete works]. Т. 7. М.-Л.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952.

Pasternak, E.L. «Ritorika» Lami v istorii frantsuzskoy ritoriki [«Rhetoric» by Lamy in the history of French rhetoric]. М., 2002.

Petrova, M.S. Ritoriko-grammaticheskiye raboty Bedy Dostohtimogo v kontekste lingvisticheskogo znaniya pozdney antichnosti i rannego srednevekov'ya [Rhetorical and grammar works by Venerable Bede in context of linguistic knowledge of late Antic and early Medieval epochs]. // Intellectual'nyye traditsii v proshlom i nastoyashchem [Intellectual traditions in past and present]. Vyp. 1. М., 2014. S. 36-56.

HISTORY OF ELOCUTIO CATEGORY IN RUSSIAN AND FRENCH RHETORIC

Natalya M. Shcharenskaya, PhD, Assistant Professor at Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; email: n-scharenskaja@yandex.ru.

Abstract. The paper aims at comparative analyses of European medieval poetics and Russian tractate “On Images” (XI cent.) in relation to the choice of selected categories of elocution, predetermined by different pragmatics of tractates. Independent approaches to the tropes of similarity and contiguity in French and Russian rhetoric books of XVII-XVIII cent., which develop patterns introduced in earlier texts, are considered from historical and cultural perspectives.

Key words: elocution, metaphor, metonymy, trope, French rhetoric, Russian rhetoric.

